Подлубнова Ю. С.

ПРОЛЕТАРСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА 1930-Х ГГ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/63.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 150-152. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ПРОЛЕТАРСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА 1930-Х ГГ.

Подлубнова Ю. С.
Уральский государственный университет

Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Процесс обретения голоса пролетариатом и создание автобиографических полотен не были исключительно прерогативой уральской литературы. «Автобиографический роман являлся эмбриональной формой пролетарской прозы» [Анисимов, Динамов 2001: 211], - писали И. Анисимов и С. Динамов, анализируя автобиографии рабочих, представленные в западной литературе 1920-х гг. с ее крепнущим, по мнению критиков, пролетарским голосом. В русской литературе автобиографии рабочих стали появляться уже в 1920-е гг., хотя ни одно из подобных произведений в то время еще не получило общесоюзную известность. К 1930-м гг. процесс создания автобиографии пролетариатом, совпав с рапповской мобилизацией ударников в литературу, приобрел массовый характер, а в середине 1930-х советская и мировая литература получила такие автобиографические произведения, как роман «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Педагогическая поэма» А. Макаренко.

Нельзя не заметить, что массовый характер автобиографизма в Союзе преобразовывал само представление о литературном творчестве. Многие из новоявленных автобиографов, вполне предсказуемо, ориентировались на классическую для данного жанра и несомненно высокохудожественную трилогию М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», однако большинство желающих поделиться своим опытом, писало непосредственно «с жизни», имея дело с голой фактографией и весьма смутно представляя особенности литературного мастерства. «В книге дана правда без всяких отклонений. Ведь писал ее не писатель <…> Писал ее кочегар» [Островский 1974: 292], - оправдывал художественные недостатки своего романа Н. Островский. Но именно творчество кочегара нашло путь к миллионам сердец в стране и за рубежом. Не художественное мастерство, но жизнь автора судили читатели автобиографий.

Уральцы внесли существенный вклад в актуализацию автобиографического жанра в советской литературе 1930-х гг. Автобиографические произведения сделали всесоюзно известными таких региональных писателей, как А. Кореванова («Моя жизнь»), А. Авдеенко («Я люблю»), Б. Горбатов («Мое поколение»), а также упрочили литературную славу А. Бондина («Моя школа»). Еще один автобиографический роман этого времени «Так начиналась жизнь» А. Савчука хоть и не получил большую известность в рамках Союза, но вошел в золотой фонд советской литературы Урала, о чем свидетельствуют его позднейшие переиздания в регионе массовыми тиражами.

Автобиографии уральцев равно, как и книги «Истории фабрик и заводов», при внешнем различии имели глубинную связь, что выражалось и в отношении к действительности (сугубо пролетарском) и в наличии общих художественных параметров. Разными данные произведения делала жизненная участь героев-пролетариев: история крестьянки (А. Коревановой), судьба потомственного рабочего (А. Бондин), путь в жизнь беспризорника (А. Авдеенко), первые шаги «детей Революции» (Б. Горбатов). Разным оказывалось отношение к Уралу, которое во многом зависело от того, насколько крепко связана судьба автора с данным регионом. Например, Кореванова и Бондин родились на Урале (в Ревде и Нижнем Тагиле), не часто покидали его пределы и воспринимали край как свою родину. Авдеенко и Савчук попали на Урал волей рока: Авдеенко прибыл в Магнитогорск с Украины после скитаний по России, Савчук родился в Варшаве и также прошел путь от Польши, через Украину, Сибирь, Дальний Восток и Кубань, до Свердловска. Авдеенко был склонен считать Урал своей второй родиной, Савчук относился к нему как к очередному месту обитания (уральский период жизни писателя не вошел в его автобиографическое произведение), хотя именно в Свердловске его писательский труд получил признание.

Объединяло автобиографии уральцев многое. В первую очередь, - названия произведений, семантически связанные с универсальными понятиями жизни и судьбы человека и в то же время особо акцентирующие авторскую индивидуальность: «Так начиналась жизнь», «Моя жизнь», «Моя школа», «Мое поколение», «Я люблю». Несмотря на номинативные отголоски «Моих университетов» М. Горького (Кореванова и Бондин открыто называли его своим учителем[1]), названия книг уральских авторов указывали на уникальность представляемого биографического материала. Неудивительно, что пролетарские автобиографы после выхода в свет книг становились такими же героями эпохи, как, например, стахановцы, папанинцы, летчики, пограничники, герои-пионеры и т.д. Авдеенко так и остался в риторике времени как беспризорник, перевоспитанный советской властью, Кореванова - как женщина с тяжелой судьбой, крестьянка в новой жизни преодолевшая классовую ограниченность и индивидуальную забитость и выдвинувшаяся в ряды ударниц женотдела, Савчук воспринимался также, как и его автобиографический герой, - красноармейцем по призванию, что подтвердилось в дальнейшем и фактом его смерти - 13 апреля 1943 г. на 2-м Белорусском фронте, за Бондиным закрепилось звание писателя-рабочего. «У него был свой путь в литературу, выстраданный путь рабо-

[1] См. письма этих писателей М. Горькому в свердловской газете «За Магнитострой литературы»: Кореванова А. Учусь у Вас / А. Кореванова // За Магнитострой литературы. - 1932. - № 12; Бондин А. Моему учителю / А. Бондин // там же.

чего самородка. Этот путь открыла ему партия, поднявшая тысячи талантливых тружеников для творческой работы на благо народа. Путь этот вел на завод, в самую гущу жизни.

Кровно связанный с интересами рабочей массы, Алексей Петрович стал выразителем ее дум и настроений, первым советским писателем Урала» [Боголюбов 1948: 30], - характеризовал судьбу Бондина уральский критик и литературовед К. Боголюбов.

Объединяла пролетарские автобиографии также установка на некую «правду жизни». Лишь Бондин был профессиональным писателем, знал роль вымысла в моделировании художественной действительности, ориентировался в своем творчестве на трилогию Горького, остальные писали, как придется, и литературный успех их произведений, как и в ситуации с романом Н. Островского, был достаточно случайным, во многом объясняемым динамизмом самих. Можно сказать, что Авдеенко и Кореванову писателями сделали критики, подошедшие к их автобиографиям как к явлениям литературным. «Авдеенко не боится сюжетной динамичности, роман почти все время движется на высоких точках, действие идет бурно и напряженно» [Динамов 1933], - отмечал С. Динамов, словно забывая, что «Я люблю» писал не писатель, а машинист.

Общим в пролетарских автобиографиях оказывался также путь героя, словно бы иллюстрирующий советскую историографию, представлявшую движение русской истории от темного прошлого к светлому будущему. Каждый из героев автобиографий проходил однотипную школу жизни, которая начиналась с сиротства и нищеты, нужды и тяжелого труда при царском режиме и завершалась перерождением человека после революции, вхождением его в ряды ударников, лучших представителей нового общества: кто был ничем, становился всем.

Так, герой Авдеенко, рожденный в семье украинских шахтеров, до революции был вынужден жить с сумасшедшим, бьющим всю семью дедом и отчаявшимся (после смерти деда и матери) отцом в Собачеевке и Гнилых Оврагах, там, где в убогих землянках обитала такая же беднота, спившийся пролетариат, самогонщики, воры, жулики. Большая при жизни взрослых семья погибла: осиротевшие дети, не найдя куска хлеба, забились в печь и умерли, только одному Саньке (герою «Я люблю») удалось, пошевелившись на возу мертвецов, спастись. Санька попал в руки хорошей женщины, заменившей ему мать, но не надолго: жизнь вынудила его стать беспризорником. Он завязал дружбу с воровской компанией Крылатого и начал скитаться по России, добывая деньги на еду, алкоголь, карты. Первая попытка возвращения к нормальной жизнп Саньки была связана с оренбургским детприемником, откуда он, привыкший к воровской вольнице, бежал. Неудачен оказался и опыт служения в Красной армии, когда Санька, помогающий машинисту на бронепоезде, попался на глаза командира с чужой бутылкой спирта, после чего его как пьющего выгнали из отряда. Новая жизнь для героя оказалась связана с Магнитогорском, где он нашел свое место в качестве чернорабочего, а затем выучился на машиниста и, возя вагоны с чугуном, стал ударником. Эта жизнь наполнилась светом и стала одухотворена: Санька впервые в своей трудной жизни оказался счастлив - он почувствовал свою востребованность для общества и узнал любовь женщины.

Каждая из представленных автобиографий имела аналогичную схему развертывания судьбы героя. Только Бондин завершил действие «Моей школы» до наступления революции. Однако главный герой романа, уже просветленный большевистской идеей, в финале произнес следующие слова: «Я еду к моим уральским братьям, где родился и рос. И чувствую сейчас в себе силу сознания, и подготовленного жизнью, укрепленного встречами с людьми. Что-то настойчиво зовет меня идти дальше по пути непрерывной борьбы с ненавистным царским самодержавием» [Бондин 1948: 265]. Герой верил, что его дело, его борьба принесут результаты: новая, счастливая жизнь обязательно наступит. Финал при всей его открытости вполне ясен: правоту героя доказала эпоха создания романа.

Наконец, последнее, что объединяло пролетарские автобиографии - уверенность авторов в поучительности своего жизненного опыта. О необходимости донести свой опыт до молодежи открыто говорила Кореванова в финале своего романа, «пионерам - верной смене комсомола» посвятил «Мою школу» Бондин. Писателей во многом поддержал и Горький, обозначивший читательский адрес - молодежь Страны Советов - в «Предисловии» к «Моей жизни» и выдвинувший роман Бондина в серию книг о детстве наряду с произведениями Толстого и Аксакова[1]. Вера в поучительность своего жизненного опыта оказалась достаточно продуктивна и, в конечном итоге, принесла уральским писателям славу: Бондин, Авдеенко, Кореванова стали упоминаться в главных литературных изданиях страны и в 1934 г. были делегированы уральским отделением ССП на Первый Всесоюзный съезд советских писателей.

Список использованной литературы

1. **Анисимов И., Динамов С.** Проблемы пролетарской литературы на Западе (проблемы автобиографического романа) / И. Анисимов, С. Диномов // Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 1920-х. - М., 2001.
2. **Боголюбов К. В.** Писатель-рабочий / К. Боголюбов // Бондин А. П. Собр. соч.: В 3 т. / А. П. Бондин. - Свердловск, 1948. - Т. 1.
3. **Бондин А. П.** Моя школа / А. П. Бондин // Бондин А. П. Собр. соч.: В 3 т. / А. П. Бондин. - Свердловск, 1948. - Т. 3.

[1] В газете «Правда» от 16 января 1936 г.

4. **Динамов С.** Рождение нового художника. «Я люблю» А. Авдеенко / С. Динамов // Литературная газета. - 1933. - № 44. - 23 сент.
5. **Островский Н. А.** Слово к зарубежным друзьям / Н. А. Островский // Островский Н. А. Собр. соч.: В 3 т. / Н. А. Островский. - М., 1974. - Т. 2.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. ИНФИНИТИВ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Попова А. В.
Астраханский государственный технический университет

Как известно обстоятельством принято считать второстепенный член предложения, определяющий, при каких обстоятельствах совершается то или иное действие.

Йофик Л. Л. отрицательно относится к идее выдвижения классификации типов обстоятельств, считая, что «классификация… приглагольно-зависимого элемента обстоятельства….. неопределенна и субъективна…». Автор обосновывает свою точку зрения тем, что «попытка провести идентификацию типов обстоятельств по формальному признаку на основании способа связи с глаголом не дает положительных результатов, т.к. совершенно разные по значению обстоятельства имеют одинаковые способы связи с глаголом» [Йофик. 1972: 51]. Но доводы, представленные Л. Л. Йофик, нельзя считать убедительными, ведь они свидетельствуют лишь о том, что в основу составления классификации должен быть положен не синтаксический критерий. Ильиш Б. А. полагает, что невозможно составить классификацию обстоятельств согласно их значению, поскольку «определенное число значений можно найти довольно легко … но какой бы список ни был составлен … обязательно найдутся особые случаи, которые не подойдут» [Ильиш 1965: 234]. Но точка зрения Ильиша Б. А. допускает создание такой классификации, потому что, если можно найти «определенное число значений», значит, для них может быть создана и система, а если найдутся «особые случаи», то их всегда можно подвести под «исключения из правил». Лингвист делает предположение о том, что классификация может быть построена на синтаксическом принципе, когда рассматривается принцип связи с определенным элементом. Например, «обстоятельство может определять член предложения, выраженный глаголом, если значение определителя совместимо со значением глагола» [Ильиш 1965: 234]. Этого же мнения придерживаются такие исследователи как Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г., считая, что «система типов обстоятельств в значительной мере обусловлена семантической дифференциацией определителей» [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 201]. Таким образом, типы обстоятельств должны быть представлены согласно значениям слов, т.е. классификация должна быть рассмотрена с точки зрения семантического критерия.

Приведем некоторые точки зрения по поводу классификации типов обстоятельств: Бурлакова В. В. считает, что «… выделяются следующие семантические подклассы обстоятельств места, времени, образа действия, сопутствующих явлений меры и степени, причины, цели, условия, следствия или результата, уступки». Достаточно подробную классификацию дает Каушанская В. Л.: «согласно их значению мы разделяем следующие виды обстоятельств: времени, частотности, места и направления, образа действия, сопутствующих явлений, степени и меры, причины, результата-следствия, сравнения, уступки, цели» [Каушанская 1967]. Такие лингвисты, как Крылова И. П., Крылова Е. В. предлагают подтипы: «места и направления, времени и частотности, образа действия, сопутствующие обстоятельства, цели, причины, сравнения, следствия, уступки, условия, исключения» [Крылова, Крылова 1989]. Ильиш Б. А. упоминает такие категории обстоятельств, как «места, времени, условия, образа действия, степени, состояния» [Ильиш 1965].

Сравнительный анализ различных классификаций показывает, что определенные виды обстоятельств - места, времени, причины, цели, образа действия, степени - повторяются в классификациях, данными разными лингвистами, между тем как обстоятельства следствия, уступки, сравнения входят не во все классификации, а обстоятельства сопутствующих явлений и вовсе является одной из самых спорных групп в классификации.

В связи с таким широким разнообразием предполагаемых подтипов становится понятна точка зрения Ильиша Б. А., который предлагает ограничиться «установлением некоторых основных категорий и воздержаться от попытки определить каждое единичное обстоятельство, которое может встретиться в предложении, в группу, приготовленную для него» [Ильиш 1965: 234]. Но тогда встает вопрос о том, какие категории обстоятельства можно считать основными и по какому принципу должно происходить деление на «основные» и «не основные» виды. В связи с возникшими вопросами было бы интересно рассмотреть теорию Бархударова Л. С. о классификации видов обстоятельств. Его система отличается краткостью. Все известные виды обстоятельств он подразделяет на две большие группы: «внутренних признаков» и «внешних отношений». Обстоятельства внутренних признаков дают «качественную характеристику самого действия», в то время как обстоятельства внешних отношений дают указание на «внешние пространственные отношения», ничего не сообщая о том, каким был сам процесс [Бархударов, Штеллинг 1973: 354]. Точку зрения Бархударова Л. С. разделяет Смирницкий А. И., считающий, что «обстоятельства ситуации (обстоятельства внешних отношений по Бархударову Л. С.) обозначают условия протекания процесса» [Смирницкий 1957: 227] и Хаймович Б. С., предлагающий для группы обстоятельств, обозначающих условия протекания процесса термин «circumstantial adverbial» [Хаймович 1967: 264].